

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

ЛИНЬ ГАНЬ

ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ДУНГАН¹

1. ПРЕДИСЛОВИЕ

Дунгане обычно называют себя «хуэйхуэй», и в китайской истории их также, как правило, обозначают этим словом.

До сих пор еще точно не установлено, когда именно это название впервые появляется в китайских исторических памятниках; по данным некоторых исследователей, оно существует со времен династии Северной Сун (960—1126). Ли Шэнь-жу, ученый эпохи Цин (1644—1911), в своей книге «Исследование географического раздела Истории династии Ляо» («Ляо ши ди чжи као») пишет: «После Пяти династий (907—960) их называли либо «даши», либо «хуэйхуэй». Это значит, что, начиная с эпохи Пяти династий, в китайских исторических документах уже появляется термин «хуэйхуэй». Со времени династии Северной Сун слово «хуэйхуэй» постепенно начинает встречаться все чаще и чаще, и существует немало доказательств того, что оно было широко распространено. Однако в то время название «хуэйхуэй» относилось к Арабскому халифату (Даши го), т. е. современному Ирану и Аравии, а не обозначало китайских дунган. На основании доказательств, которые я приведу ниже, я считаю, что при династии Северной Сун в Китае еще не существовало дунганской народности. Она постепенно формируется, только начиная с династии Юань (1280—1368).

Несмотря на то, что при династии Юань мусульман — выходцев из Арабского халифата — называли «сэму» («разные» народы, т. е. не мон-

¹ Настоящая статья представляет собой публикацию первой части работы китайского автора Линь Ганя «Опыт исследования относительно происхождения и формирования дунганской нации», опубликованной в № 2 и 3 журнала «Синь цзяньшэ» («Новое строительство») за 1952 г. Перевод сделан по заказу редакции журнала Г. Н. Райской. Работу переводчика (равно, как и автора) затрудняла терминологическая нечеткость: термины «нация» и «народность» обозначаются в китайском языке одним и тем же словом «миньцзу» (иероглиф «цзу» обозначает и род, и племя и входит в слова «народность» и «нация»). В связи с этим перевод термина то «народность», то «нация» дается по смыслу (исходя из контекста). Во избежание искажения мнения автора редакция позволяет себе давать безоговорочно термины «народность» или «нация» только там, где контекст абсолютно ясен. Там же, где имеется хоть малое сомнение, эти термины даются со звездочкой — это означает, что в оригинале здесь стоит «миньцзу», т. е. термин, еще не получивший твердого значения. Равным образом по смыслу переводится и термин «хуэйхуэй», обозначающий то «дунгане», то «мусульмане Китая» вообще. Однако здесь контекст более ясен.

В качестве приложения к статье публикуется справка Г. Г. Стратановича о постановке проблемы происхождения дунган в русской и советской литературе.

голы и не китайцы), для их обозначения попрежнему служит также и слово «хуэйхуэй», и только при династии Мин (1368—1644) или, самое раннее, в конце династии Юань, когда появляются признаки начала формирования дунган в народность, это слово становится названием дунган.

При Цинской династии появляется термин «ханьхуэй» — «китайские мусульмане»; впервые он встречается в докладе губернатора провинции Ганьсу Чжан Шана, составленном в 1647 г.: «К западу от реки Хуанхэ мусульманские мятежники Дин Го-лянь и другие незаконно избрали царем Тулуньтая; по сообщениям из города Сучжоу, они собрали несколько тысяч «мусульман с повязанными головами», «мусульман в красных шапках», уйгур, «мусульман хала»², китайских мусульман и других и распределили должности военных губернаторов» («Краткая история провинции Ганьсу, Нинся и Цинхай» — «Гань Нин Цин шилюэ»). Однако Чжан Шан не дает никакого объяснения к словам «китайские мусульмане», и поэтому неизвестно, кого именно он имеет в виду.

После революции 1911 г. наименование «китайские мусульмане» получает широкое распространение; в настоящее время принято считать, что этот термин обозначает или окитаившихся мусульман, или китайцев, исповедующих мусульманскую религию. Однако думать так значит либо смешивать дунган с китайцами и национальность с религией, либо стоять на позициях китайского великодержавного шовинизма — панханизма, отрицать, что дунгане — нация*, и неправильно считать их всего лишь религиозной общиной. Поскольку как китайцы, так и дунгане представляют собой элементы, входящие в состав народов Китая, дунгане являются нацией*, и проблема дунган также есть национальная проблема. Между тем, поскольку мусульманство есть религия, мусульманская проблема является как раз проблемой религиозной, и ее не следует смешивать с предыдущей, хотя мусульманская религия и не есть просто религия, а является замаскированной религиозными одеждами организацией их общества (см. «Проблема дунганской нации*» — «Хуэйхуэй миньцзу вэньти», издание Общества по изучению национального вопроса). Поэтому наименование «китайские мусульмане» не является самоназванием дунган и в прошлом фактически служило китайской господствующей нации всего лишь предлогом для политики дискриминации по отношению к дунганам или для отрицания существования дунганской нации*.

Кроме того, существует термин «дунгане» (дунганьхуэй) — так называют дунган синьцзянские уйгуры. В настоящее время в пределах Советского Союза живет некоторая часть дунган, ушедших из провинций Шэньси и Ганьсу в период Тун-чжи (1861—1875)^{2а} династии Цин после поражения дунганской революции; их также называют «дунганской народностью»* (дунгань миньцзу). Однако китайские дунгане не только не называют себя так, но и не одобряют этого названия.

В Китае есть также так называемые «мусульмане с повязанными головами» (чаньхуэй). Это — уйгуры, живущие в Синьцзяне в оазисах вдоль южного и северного трактов у склонов Тянь-Шаня. Они также исповедуют мусульманскую религию, однако они отличаются от дунган и являются другой составной частью народов Китая. Так как у них существует обычай повязывать голову белой материей, в народе их называют «мусульмане с повязанными головами». Однако сами они не любят этого названия. Так как они живут в западной части Китая, дунгане из провинции Ганьсу называют их еще и «западными мусульманами» (сихуэй).

² «Хала» = са-ла, т. е. салары.— *Прим. редакции.*

^{2а} Фактически переселение дунган в пределы России проходило в 1876—1878 и в 1881—1883 гг.— *Прим. редакции.*

Что касается салар (салахуэй), которые в пределах Китая живут в уездах Синин и Сюньхуа в провинции Цинхай, а также в уездах Линься и Линьтань в провинции Ганьсу, то они также являются одним из национальных меньшинств народов Китая, исповедующих мусульманскую религию, а именно — саларской народностью. Некоторые исследования смешивают салар с дунганами (например, Люй Чжэнь-юй в книге «Краткая история народов Китая» — «Чжунго миньцзу цзяньши»), но это ошибка.

II. НЕКОТОРЫЕ НЕПРАВИЛЬНЫЕ ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДУНГАН

Откуда появилась дунганская нация? На этот вопрос существуют различные ответы.

1. Теория уйгурского происхождения дунган

Существует мнение, что китайские дунгане — это тот самый народ, который был известен под названием «хуэйхэ» в период Южных и Северных династий (265—588) и династии Тан (618—906) и под названием «хуэйху» с конца династии Тан, при Пяти династиях (907—960) и династии Сун (960—1279), и что только при династиях Юань (1280—1368) и Мин (1368—1644) их стали называть «хуэйхуэй». Например, Гу Янь-у (в книге «Дневник ученого» — «Жи чжи лу») при Цинской династии и Чэнь Цзы-хуа (в журнале «Сибэй луньхэн», том 6-й, № 1) при Китайской Республике (1911—1949) высказывают именно эту точку зрения. Однако они не располагают никакими историческими данными, говорящими в пользу их теории, и она либо является просто их догадкой, либо фонетическая близость слова «хуэйхуэй» со словами «хуэйхэ» и «хуэйху» дала им повод считать, что слово «хуэйхуэй» представляет собой искаженное произношение слов «хуэйхэ» и «хуэйху».

При просмотре отделов, касающихся народов «хуэйхэ» и «хуэйху», в «Истории династии Тан» («Тан шу»), «Новой истории династии Тан» («Синь тан шу»), «Истории Пяти династий» («Удай ши»), «Новой Истории Пяти династий» («Синь Удай ши»), «Истории династии Сун» («Сун ши»), оказывается, что эти народы трансформировались в современных синьцзянских уйгур; «Новая история династии Юань» («Синь Юань ши») говорит об этом еще яснее: «Вэйур (уйгуры) есть потомки хуэйху». Из исследований японского ученого Ханэда Тэй также видно, что хуэйху — это то же, что вэйур («Очерк истории цивилизации Западного края» — «Сиюй вэньмиш ши гайлунь»). Вэйур, о которых здесь говорится, — это и есть современные уйгуры.

К тому же хуэйху в период династии Сун уже имели свою письменность («Краткая история провинций Ганьсу, Нинся и Цинхай» — «Гань Нин Цин шилюэ»), при Чингиз-хане монголы первоначально также пользовались письменностью народа вэйур (т. е. уйгур), а письменность хуэйху и вэйур — это именно и есть современная уйгурская письменность.

Между тем дунгане в повседневной жизни пользуются китайской письменностью, а в их священных книгах употребляется арабский алфавит. Если дунгане развились из хуэйхэ и хуэйху, то почему же у дунган и уйгур разная письменность?

Итак, теория происхождения дунган от хуэйхэ и хуэйху неправильна.

2. Теория тюркского происхождения дунган

Существует мнение, что дунгане — это тот народ, который известен в китайской истории под именем «туцзюэ» (тюрюк), а народ туцзюэ развился из народа цян и первоначально представлял собой одну из вет-

вей монгольской расы³; причина же превращения туцзюэ в дунганскую народность заключается в том, что в период династии Сун ислам занял господствующее положение прежде всего среди уйгур, а обычное название уйгур есть «чаньхуэй», поэтому ислам также получил название «хуэйцзяо» (религия хуэй); при династии Юань и позже ислам попрежнему остается широко распространенным среди тюрков, поэтому в период Юаньской династии их начинают называть «народом хуэй». Это же мнение высказывает, например, ученый Люй Чжэнь-юй в книге «Краткая история народов Китая» («Чжунго миньцзу цзяньши»).

Согласно этой теории, дунгане не переселились в Китай извне, они являются аборигенами Китая, ветвью монгольской расы, а их превращение в современную дунганскую нацию* связано исключительно с изменением их религии.

Доводы в пользу этой теории слишком слабы; кроме того, ей можно поставить в упрек смешение двух проблем — проблемы происхождения мусульманских народов и проблемы распространения мусульманской религии: «Согласно последним исследованиям, как раз хуэйхэ и хуэйху принадлежат к тюркской расе или являются одной из ее ветвей» (см. «Проблема дунганской нации» — «Хуэйхуэй миньцзу вэньти»). К тому же Ханэда Тэй доказывает, что письменность хуэйху представляет собой тюркскую письменность, сохранившуюся со времен туцзюэ, поэтому текст стеллы хуэйхускому кагану из города Хара-Балгасун написан в трех параллельных вариантах — китайской, согдийской и тюркской письменностью («Очерк цивилизации Западного края» — «Сиюй вэньмин ши гайлунь»). Между тем хуэйхэ и хуэйху впоследствии превратились в уйгур; доказательства этому уже были приведены выше. Напротив, мы не находим в исторических памятниках никаких указаний на непосредственное превращение тюрков в дунган. Но если речь идет только о том, что в состав дунганской нации* вошли некоторые тюркские элементы, то это вполне возможно.

3. Теория общего происхождения китайцев и дунган

До освобождения китайского народа эта теория была весьма распространена; например, Ма Хун-куй, бывший председателем марионеточного правительства провинции Нинся в период господства реакционной клики гоминдана, и большинство его подчиненных были мусульманами. Однако сами они утверждали, что и дунгане, и китайцы одинаково являются потомками императора Хуан-ди⁴ (см.: Чан Цзян, «Северо-западная окраина Китая» — «Чжунгоды сибэйцзяо»). В передовой статье газеты «Сицзинпинбао» от 2 февраля 1938 г. также говорилось: «Наши мусульманские соотечественники и китайцы имели одних предков и принадлежат к одной расе».

Эта теория основана только на субъективном мнении отдельных лиц; она является произвольной догадкой, не основанной ни на каких исторических фактах, и несостоятельность ее не нуждается в доказательствах.

III. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДУНГАН

Откуда же, в конце концов, произошла дунганская нация?*

Правильный ответ заключается в следующем: дунганская нация* сложилась главным образом из мусульман, переселившихся в Китай в период династии Юань из Персии, Аравии и Средней Азии.

³ Здесь автор ошибочно взаимозамещает антропологические, лингвистические и этнические категории.— *Прим. редакции.*

⁴ По преданию, китайцы ведут свое происхождение от мифического императора Хуан-ди.— *Прим. переводчика.*

Прежде всего обратимся к сведениям, сообщаемым о дунганах китайской историографией⁵.

«Объяснение слов» («Чжэн цзы тун»): «Дунгане (хуэйхуэй) принадлежат к племени даши; начиная с периода династии Цзинь и Юань, они широко распространились в Китае и сейчас есть везде».

«Старое описание провинции Ганьсу» («Ганьсу цзю чжи»): «Дунгане (хуэйхуэй) принадлежат к племени государства Даши; родина их в современной Аравии; они впервые появились в Китае при династии Юань; другое название их — сэму».

«Важнейшие сведения о местностях, упоминаемых в исторических сочинениях» («Ду ши фан юй цзяо»): «Дунгане (хуэйхуэй) — это современное государство Модэна⁶ в Западном крае».

«История династии Мин» («Мин ши»): «Модина — родина дунган (хуэйхуэй); при династии Юань этот народ распространился по всему свету».

«История династии Ляо» («Ляо ши»), «Описание царствования императора Тяньцзо» (1101—1125) («Тяньцзо хуанди бэньцзи»): «Елюй Даши... вместе со всем своим родом направился на запад... остановился лагерем в Сюньсыгане (Самарканд). Царь дунганского (хуэйхуэй) государства пришел и сдался ему».

В «Списке народов» «Истории династии Ляо» («Ляо ши», «Будзу бяо») также указано, что во время похода Елюй Даши на запад (1125) он дошел до «дунган (хуэйхуэй) и даши» в Сюньсыгане (Самарканд) и Цирмане (Керман).

Кроме того, в «Сокровенном сказании о монголах» («Юань чао би ши») о Хорезме (Хуалацзымо) говорится как о дунганском (хуэйхуэй) государстве. В «Краткой истории провинций Ганьсу, Нинся и Цинхая» («Гань Нин Цин шилуэ») он тоже называется «дунганским Хорезмом» (хуэйхуэй Хуалацзымо).

Государство Даши (Даши го — Арабский халифат), которое упоминается в этих цитатах, — это современные Иран, Аравия и Средняя Азия; при династиях Тан и Сун весь этот район назывался Даши. Сюньсыгань, Цирмань и Хуалацзымо — это тоже территория современного Ирана^{6а}. Наконек, Модэна, или Модина, — это современная Медина, столица древней Арабской империи (см. историческую карту Китая, составленную Су Цзя-жуном).

Очевидно, что название дунган «хуэйхуэй» вовсе не есть искажение названия «хуэйх» или «хуэйху», что дунгане не происходят от тюрков и уж во всяком случае не имеют общего происхождения с китайцами, а являются пришедшим извне народом — народом даши. Теперь рассмотрим, каким образом даши — дунгане из Персии, Аравии и Средней Азии могли появиться в Китае.

Еще при династии Тан некоторые персы и арабы, исповедывавшие ислам, приезжали в Китай; об этом сообщает «Описание Даши» в «Истории династии Тан» («Тан шу», «Даши чжуань»). При династии Сун приезжало еще больше персов и арабов (см. «Курс истории Китая» — «Чжунго лиши цзяочэн»⁷ — японского ученого Сано Касами). Большая часть из них, кроме некоторых, являвшихся дипломатами — «послами, привозящими дань», — были торговцы. Для надзора над «торговлей варваров ... из Даши» Сунский двор специально учредил в портах Гуаньчжоу, Минчжоу и Ханчжоу «управления торговыми кораблями», контро-

⁵ В действительности во всех цитируемых памятниках речь идет не только о дунганах, но и о мусульманах Китая вообще. — Прим. переводчика.

⁶ Речь идет о городе Медина (а не итальянск. Модена). — Прим. редакции.

^{6а} Земли древнего Хорезма, равно как и Самарканда, находятся на территории СССР. — Прим. редакции.

⁷ Автор дает здесь китайское чтение иероглифов названия книги. Японское чтение их «Chu goku rekishi kyūtei» (цуюгоку рекиши кютей). — Прим. редакции.

лировавшие внешнюю торговлю (см. «История династии Сун» — «Сун ши», «Экономический отдел» — «Ши хо чжи»). Хотя часть этих персидских и арабских торговцев впоследствии поселялась в Китае, однако число их было не слишком велико, и, приезжая в Китай и поселяясь в его пределах, они обычно оставались изолированными и разобщенными, поэтому мы не можем считать их основным источником образования дунганской нации*. Только в начале эпохи Юань дунгане начали появляться в Китае в большом числе, причем в это время они и их потомки смешивались с прибывшими ранее дунганцами и вместе с ними образовывали источник формирования дунганской нации*.

В последние годы существования династии Южной Сун (1126—1279) Чингиз-хан совершил большой поход на запад; прежде всего он покорил уйгур (к югу и северу от Тянь-Шаня в современном Синьцзяне), карлуков (халалу) (в северо-западной части современного Синьцзяна и в районе озера Балхаш), затем завоевал Западное Ляо (кара-китаев) (в долине рек Или и Тарима в современном Синьцзяне), уничтожил Хорезм (между современным Каспийским морем на западе, Аральским морем на востоке и рекой Сыр-дарья на севере), усмирил ясов (ясу) (к западу от Каспийского моря и к востоку от Черного моря), канглы (кангли) (к северо-востоку от Каспийского моря), напал на кипчаков (цинъяча) (к западу от Каспийского моря и к северу от Черного моря) и русских. После него Бату⁸ усмирил кипчаков, на севере нанес поражение Южной России, на западе подчинил себе Польшу, на юге разгромил Венгрию. Наконец, Хулагу разрушил Мунайси (на юго-запад от Каспийского моря) и Багдад (в настоящее время — столица Ирака) и покорил Небесную страну (Тяньфан) (современная Аравия). Так монголы подчинили себе один за другим народы Синьцзяна, Персии, Аравии, Средней Азии, исповедывавшие ислам, и народы Восточной Европы.

После этого, чтобы покорить Китай и уничтожить династию Южную Сун, монголы уводили с собой людей из покоренных народов Западного края и создавали из них «охранные войска» и «гвардию» — «таньмачи»; эти войска вместе с монгольской армией были отправлены в Китай для захватнической войны. После того как Южная Сун была уничтожена, эти охранные войска и гвардия были расквартированы в разных местах Китая и использовались для охраны Императорского города, столицы и ее окрестностей, сокровищницы, путей, по которым шло снабжение столицы зерном, из них создавались военные поселения и т. д.

По данным «Истории династии Юань» («Юань ши»), в разное время существовали следующие различные виды этих охранных войск и гвардии: правая охранная армия ясов; левая охранная армия ясов; правая охранная армия кипчаков; левая охранная армия кипчаков; главная охранная армия (Луи чжэньвэй); охранная армия канглы; армия десяти тысяч карлуков; русская гвардия; гвардия Западного края — дунганская армия.

Среди народов, увезенных в Китай, были ясы, кипчаки, канглы, кара-китаи, карлуки, уйгуры, дунгане и другие, — считается, что более двадцати или даже более тридцати разных народов. А среди сформированных из них армий самой большой по численности была гвардия Западного края, состоявшая преимущественно из дунган; считают, что численность ее доходила до двух-трех миллионов. К тому же «История династии Юань» пишет: «При императоре Ши-цзу (Хубилай, 1277—1294) во все области (лу) отправляли дунганские (хуэйхуэй) армии»; это значит, что дунган, угнанных в Китай, в то время было действительно немало. Эти дунганские армии, кроме простых солдат, включали в себя и дунганских пушкарей, дунганских оружейников, дунганских ремесленников, дунганский флот и различных дунганских офицеров и командиров.

⁸ Бату-хан — Батый. — Прим. редакции.

Дунганские армии и были основным источником формирования дунганской нации*. Однако среди дунган переселившихся в Китай при монгольской династии, кроме солдат дунганских армий, имелись представители и других общественных слоев — дунганская аристократия, дунганское чиновничество и дунганские ученые и техники, перешедшие на сторону монголов, например:

Сайдяньчи Чжаньсыдин (Шамсуддин), который во время похода императора Тай-цзу (Чингиз-хан, 1206—1227) на запад перешел на сторону монголов, впоследствии, при Сянь-цзуне (Мункэ, 1251—1259), он принимал участие в походе на Сычуань, заведя снабжением монгольской армии. Позже его сын Хусинь (Хусейн) тоже прославился своими военными подвигами, завоевывая для монгольской династии провинцию Юньнань.

Чжабар (Джафар), также перешедший на сторону монголов при Тай-цзуне, был монгольским послом в государстве Цзинь (государство чжурчженей в Северном Китае, 1115—1234) и составил для императора Тай-цзу план покорения этого государства.

Целе при императоре Сянь-цзуне вместе с Чжаньсыдином участвовал в завоевании провинций Сычуань и Шэньси, а в дальнейшем сражался в Юньнани.

Махэму при императоре Ши-цзу прославился при взятии Сынь-яна.

Ахэма (Ахмед) при императоре Ши-цзу ведал финансами, расширил выплавку железа, увеличил соляной налог и немало сделал для того, чтобы обогатить народ Китая и передать его богатства монгольскому двору. В это же время его сын Хусюнь (Хусейн) служил военным губернатором области Даду, одновременно — губернатором Дасина.

Абдулахэмань (Абдурахман) при императоре Тай-цзу ведал сбором налогов по всем областям.

Исымаэнь (Исмаил) и Алаовадин (Аллахэддин), специалисты по изготовлению дунганских пушек, получив приглашение от императора Ши-цзу, согласились переехать из Ильхана в Пекин и командовали в монгольском государстве «Десятитысячной армией дунганских пушкарей и оружейников».

Чжамаладин при императоре Ши-цзу изготовил западноазиатские астрономические инструменты и был начальником дунганской обсерватории.

Ехэйдер заведывал «управлением чадер» (управлением строительных работ) императора Ши-цзу и составил план постройки городской стены вокруг Даду — современного Пекина.

Мы назвали только нескольких наиболее знаменитых среди тех, о ком упоминает «История династии Юань», но остальных крупных и мелких дунганских аристократов, крупных и мелких дунганских чиновников и других представителей дунганской интеллигенции, перешедших на сторону монголов и переселившихся в Китай, было гораздо больше; поэтому в «Описании должностей» («Байгуань чжи») в «Историй династии Юань» («Юань ши») сообщается, что в столице и за ее пределами во всех основных учреждениях были дунгане-начальники, дунгане-помощники начальников, дунгане-переводчики, дунгане-секретари и т. д. Из этого видно, как велико было число представителей дунганской социальной верхушки, переселившихся в то время в Китай. Кроме того, среди дунган, переселившихся в Китай, были и дунганские торговцы.

При монгольской династии Юань водные и сухопутные пути сообщения между востоком и западом были очень удобны. Что касается сухопутных дорог, то, во-первых, после возникновения государства Великих Ханов все многочисленные мелкие государства отдельных племен⁹, ле-

* Имеются в виду владения отдельных народов или этнических групп.— Прим. редакции.

жавшие на путях между востоком и западом, были полностью уничтожены, и, таким образом, исчезли порождавшиеся ими препятствия; во время похода императора Ши-цзу на запад в Западном крае повсеместно создавались правительственные дороги — одной из самых знаменитых была дорога Гоцзыгоу между Или и Цзинхэ, учреждались станции, устанавливались дозоры, и тем самым были уменьшены трудности и опасности путешествий. В то время можно было просхать из южной части Сибири по северной Тяньшанской дороге до Хэлиня (Каракорум) и города Даду (Пекин) или из Центральной Азии по южной Тяньшанской дороге — в провинции Ганьсу и Шэньси и далее во Внутренний Китай. Водные пути вели из Персидского залива и Аравийского моря через Индийский океан и Южнокитайское море до морских портов Гуаньчжоу, Цюаньчжоу и Ханчжоу. Кроме того, так как при монгольской династии сэму могли сравнительно свободно заниматься торговлей, то в Китай приезжало очень много иностранных купцов. Среди них было особенно много дунганских торговцев; они обладали также наибольшим капиталом и пользовались наибольшим влиянием. «История династии Юань» пишет, что при императоре Ши-цзу дунгане Махамадша и другие поднесли императору крупный жемчуг, за который они назначили цену в несколько десятков тысяч слитков серебра. При императоре Чэн-цзуне (Темур Улджейту-хан, 1295—1308) дунганам, находящимся во внутренних областях Китая, было приказано платить торговые пошлины, и они уплачивали по тысяче слитков; можно себе представить, как велик был их капитал! В начале царствования императора У-цзуна (Хайсан Кулук-хан, 1308—1312) государственный совет писал: «Дунганские торговцы получают грамоты с печатью императора, носят «тигровый знак», ездят на почтовых лошадях, и все это под предлогом того, что они разыскивают жемчуг и редкости; фактически же они подносят императору какого-нибудь барса да еще требуют ответных подарков. Подобных случаев было очень много. Просим разрешения расследовать их каждый в отдельности и прекратить». При Ин-цзуне (Буянту-хан, 1321—1324) дунганский князь Халаэхатай был освобожден от уплаты торгового налога; в нарушение закона он ездил в другие «варварские» государства и получал там несметные количества драгоценных товаров; по закону они должны были быть конфискованы и сданы в казну, но визирь Дурсу, который был в дружеских отношениях с такими людьми, не разрешил этого. В «Монгольской истории Досуна» («Досуи Мэнгу ши») говорится: «Так как Хубилай запретил убивать баранов, перерезая им горло, ... мусульманская аристократия и высшие чины мусульманского духовенства обратились к визирю Сангэ с просьбой передать императору, что купцы мусульманского вероисповедания не будут больше приезжать в Китай; ... (поэтому) Хубилай отменил свое запрещение». По этим примерам можно судить о том, каким большим влиянием пользовались мусульманские торговцы.

Наконец, было немало также дунганских имамов (высшее духовное лицо у мусульман), астрологов, врачей, музыкантов, литераторов, поэтов, строителей, ремесленников всех специальностей, в особенности же просто обыкновенных людей, которые при Юаньской династии последовали за монгольской и дунганской армиями и вместе с ними пришли в Китай и имена которых мы здесь приводить не будем.

IV. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДУНГАН ПОСЛЕ ИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В КИТАЙ

После переселения в Китай дунгане очень быстро распространились по всей его территории.

Это произошло прежде всего потому, что дунганские войска вместе с монголами участвовали в захвате Китая и по мере развития военных действий передвигались по всей стране. После падения династии Сун (1279) часть дунганской армии была оставлена в качестве гарнизонов

в Китайской низменности¹⁰, а часть — вдоль морского побережья; например, при императоре Ши-цзу отряд солдат, состоявший из хуэйхэр (уйгуров) и шалюй хуэйхуэй, нес пограничную службу в городе Шанчжоу. Через ущелье Ланьтянь (в современной провинции Шэньси) в то время «проходили дунганские армии всех областей». Очевидно, в Китайской низменности и во «всех областях» было немало дунганских войск. При императоре Шунь-ди (Тогон-темур), в 17-й год периода Чжи-чжэн (1357), в Фуцзяни вспыхнул бунт персидского гарнизона (см. «Дополнительные записки о династии Юань» — «Юань вайцзи» из «Географического описания провинции Фуцзянь» — «Фуцзянь-шэнь тунчжи»); очевидно, в Фуцзяни также были дунганские гарнизоны.

Кроме того, когда дунганские армии вслед за монголами вступили на территорию Китая, в первую очередь была покорена северо-западная часть Китая. Северо-запад Китая расположен довольно близко от Персии и Аравии, и дунгане непрерывным потоком переселялись туда, поэтому в провинциях Синьцзян, Ганьсу, Шэньси, Нинся и Цинхай дунган особенно много. Так как на северо-западе дунган было слишком большое число, то при императоре Ши-цзу, в 1-й год периода Чжун-тун (1260), 436 семей (или 1479 человек) дунган, живших в Ганьчжоу (современный уезд Чжанье) и Лянчжоу (современный уезд Увэй), специально переселили в гарнизоны Цзяннани; при императоре Шунь-ди, во 2-й год периода Юань-тун (1334), также было переселено 220 дунган из Лянчжоу в Чжэцзян. Об этом есть точные сведения в «Краткой истории провинции Ганьсу, Нинся и Цинхай» («Гань Нин Цин шилюэ»).

Далее, чиновники и их подчиненные, принадлежавшие к дунганской социальной верхушке, служившие в разных частях Китая, оставили после себя многочисленное потомство, — в этом также заключается одна из причин распространения дунган в Китае. Например, в «Списке знатных родов» из «Новой истории династии Юань» говорится, что: Сайдяньчи Чжаньсыдин служил в Юньнани; Хусинь служил в Цзянси; Чжалалудин служил в Пекине; Мамоуша служил в Хунани; Мосуху служил в Ханчжоу; Бедулудин служил в Хенани; Хайлудин служил в Синьчжоу (современный город Шанжао в провинции Цзянси); Адула служил в Хубэе; Дешивэйли служил в Ляояне.

После смерти Чжаньсыдина его пять сыновей служили в разных провинциях, а именно: старший сын, Насуладин (Насрэддин), служил губернатором провинции Юньнань, впоследствии был повышен в должности и служил губернатором Шэньси; второй сын, Хасань, служил заместителем и главнокомандующим области Гуандун; третий сын, Хусинь, служил правым помощником губернатора провинции Юньнань, затем был повышен в должности и служил левым помощником губернатора провинции Сычуань в Цзянчжоу и губернатором провинции Цзянси; четвертый сын, Шаньсудин (Шамсудин) Умоли, служил военным губернатором области Цзяньчан, подчиненной провинциальному правительству Юньнани; пятый сын, Масудин (Махсудин), служил губернатором Юньнани. Насуладин имел двенадцать сыновей, семеро из них также служили в разных местностях, а именно: Боянь служил губернатором областей, непосредственно подчиненных государственному совету (Даду, Шанду и других); Умар служил губернатором Чжэцзяна; Чжафар служил заместителем Цзинху; Хусянь служил губернатором провинции Юньнани; Шади служил левым помощником губернатора провинции Юньнань; Аюн служил помощником заведующего академией церемоний; Бояньчар служил губернатором областей, непосредственно подчиненных государственному совету.

На основании этого нетрудно видеть, как широко расселились дун-

¹⁰ Лёссовая равнина междуручья в Центральном и Сев. Китае.— Прим. редакции.

гане в Китае, и не удивительно, что в настоящее время среди дунган из всех частей Китая так много лиц с фамилиями На, Ла, Дин, Ха, Ма, Хай, Да, Сай, Му и что все они, говоря о своем происхождении, утверждают, что их предки были высокими должностными лицами.

Кроме того, так как Чжаньсыдин и его потомки из поколения в поколение служили в Юньнани, туда приезжало немало их родственников и друзей, желавших воспользоваться их протекцией, чтобы сделать карьеру; при этом, по обычаю, существовавшему при монголах, потомки как гражданских, так и военных чиновников приписывались к той местности, где они служили. Поэтому в настоящее время в Юньнани особенно много дунган¹¹. Что касается дунганских торговцев, то их мы тем более встречаем по всему Китаю. Торговцам по самой природе их занятия свойствен подвижный образ жизни.

Выше мы уже упоминали, что, согласно «Истории династии Юань», при императоре Чэн-цзуне дунганам, находящимся во внутренних областях Китая, было приказано платить торговые пошлины в тысячу слитков; отсюда можно заключить, что при монголах дунганских торговцев, живших по всей территории Китая, т. е. в так называемых «Внутренних областях» Китая, было действительно очень много. В настоящее время среди дунган, живущих в разных городах Китая, очень многие занимаются мелкой торговлей; это тоже можно объяснить тем, что многие дунганские купцы при династии Юань поселялись в Китае.

Все это говорит о том, что территория Китая, на которой при монгольской династии расселились дунгане, была очень велика. Не удивительно, что в «Описании Самарканда» («Самархань чжуань») в «Истории Минской династии» («Мин ши») сказано: «При династии Юань дунгане распространились по всему Китаю».

На основании изложенных выше фактов мы можем придти к следующему заключению: китайские мусульмане главным образом представляли собой переселившиеся в Китай дунганские армии, дунганскую аристократию, дунганских чиновников, ученых и техников, дунганских торговцев и простых людей; они расселились по всему Китаю, жили там в течение долгого времени, их потомство росло и постепенно сформировалось в дунганскую нацию*. Такое заключение совпадает с тем, которое высказывал в период династии Юань дунганин Аладии и которое цитируется в «Монгольской истории Досана» («Досан Мэнгу ши»):

«В настоящее время в этой восточной стране (Китае) имеется немало мусульман-переселенцев, которые либо являются пленниками из Хэчжуна (город Самарканд в современном Туркестане^{11а}, название его «Хэчжун» — «Междуречье» — происходит от того, что он лежит между двумя реками — Сыр-дарьей и Аму-дарьей), и Хорасана (на юго-восток от Каспийского моря), отправленными в эту страну в качестве ремесленников и пастухов; либо были уведены и насильно переселены туда, но среди них очень много и таких, которые уезжали в эту страну с запада для торговли и в поисках богатства, поселялись там, строили постоянные дворы и рядом с храмами идолов воздвигали мечети и монастыри».

V. ЭЛЕМЕНТЫ, ВОШЕДШИЕ В СОСТАВ ДУНГАНСКОЙ НАЦИИ

Таковы в общих чертах происхождение дунганской нации*, ее социальный состав в момент переселения в Китай и расселение после переселения. Здесь необходимо подчеркнуть следующее: мы утверждаем

¹¹ Мусульмане Юньнани этнически отличны от дунган. Ислам распространен здесь арабскими купцами, двигавшимися в глубь страны южным морским и речным путями (через Кантон).— *Прим. редакции.*

^{11а} Гор. Самарканд находится в Узбекской ССР (Туркестаном именовалась прежде в литературе территория нынешней Советской Средней Азии).— *Прим. редакции.*

только, что дунгане, переселившиеся в Китай из Персии, Аравии и других мест при династии Юань, являются основным источником сложения дунганской нации, но не говорим, что это — единственный источник ее сложения, не отрицаем, что, помимо этого, к дунганской нации * примешивались элементы других наций *, в особенности китайские элементы.

Прежде всего, в то время, когда предки дунган только что начали переселяться в Китай, их расовый и национальный состав был неоднороден; например, арабы и персы вовсе не относились к одной и той же расе или нации, а в районе Средней Азии имелось также некоторое число тюрок.

Затем, вследствие того, что дунгане после их переселения в Китай жили смешанно с китайцами, некоторые китайцы приняли мусульманство; кроме того, дунгане могли брать в жены китайских женщин: например, Хачжихасинь (Ходжа Хасан) женился на дочери китайца Сюнь Гуна; жена Бодэна имела фамилию Ли, жена Чжималудина — фамилию Фэн, обе они были китайки. Поэтому в процессе формирования дунган в единую нацию * к ним неизбежно примешивалось много китайских элементов.

Далее, со времени династий Тан и Сун немало хуэйхэ и хуэйху проникло в провинции Ганьсу, Нинся и Цинхай и поселялось там, и когда при династии Юань в Северо-Восточном Китае появились дунгане, они жили там смешанно с хуэйхэ и хуэйху, поэтому могли включить в себя хуэйхэские и хуэйхуские элементы.

Наконец, «В настоящее время в той восточной стране есть уже немало мусульманских переселенцев.. к ним относятся и князья из рода Чингиз-хана, которые приняли нашу (т. е. мусульманскую) веру, и подражавшие им их подданные и солдаты» (слова дунганина Аладина, см. выше). Это значит, что после того, как дунгане переселились в Китай, многие монголы под их влиянием тоже приняли мусульманскую религию, слились с дунганями и были постепенно ассимилированы дунганской нацией *; например, когда двоюродный брат императора Чэн-цзуна Ананда стоял с войском в Таньзу (современная провинция Нинся, северная часть провинции Ганьсу и восточная часть провинции Цинхай), большая часть из ста пятидесяти тысяч солдат, находившихся под его командованием, перешла в мусульманство (см. «Монгольскую историю Досана» — «Досан Мэнгу ши»).

Что дунгане в Китае смешались и с поселившимися там еще до династии Юань персами и арабами, это ясно само собой.

Итак, дунганская нация образовалась главным образом из дунган, переселившихся в Китай при династии Юань из Даши, т. е. Персии, Аравии, Средней Азии и других мест, и их потомков, к которым, кроме того, примешалось некоторое количество китайских, хуэйхэских, хуэйхуских, монгольских и других элементов, но необходимо особо указать на то, что хотя элементы этих наций *, смешавшихся с дунганями, несомненно оказали на дунганскую нацию некоторое влияние, они все же отнюдь не были решающим фактором в формировании дунганской нации.

ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДУНГАН В РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(Краткая справка)

Пятисотмиллионное население Китая не однородно по национальному составу. Преобладающая масса (более 90%) это «хань», «хань-жэнь» (китайцы). Некитайское население Китая составляет в среднем $\frac{1}{14}$ всего населения страны, т. е. около 40 млн. человек. Среди них есть

мелкие этнические группы (например, «шань-тоу» — 150 тыс. человек) и крупные народности (например, носу или ицзу — более 2,5 млн.; уйгуры — более 3 млн. и др.).

Одной из наиболее крупных народностей Китая являются дунгане. Общее число их достигает, по нашим подсчетам, 7–8 млн. Расселены они на всем протяжении тракта от города Кашгара до Пекина; сосредоточены главным образом в провинциях Ганьсу, Шэньси и Синьцзян (Северо-Западный Китай). Крупные поселения дунган встречаются в провинциях Сычуань (город Чэнду), Цинхай, Шаньдун, а также в Дунбэе (куда они переселились в XIX в.). Обычное их название «дунгане», принятое в русской дореволюционной и советской литературе, распространено не повсеместно. Оно бытует в пределах республик Советской Средней Азии (куда дунгане переселились после восстания 1861–1878 гг.), частично в Синьцзяне (в долине р. Или) и в Дунбэе. Считается, что это не самоназвание, а название, данное дунганам соседями (народами Средней Азии). Самоназванием считается их китайское наименование «лао хуэйхуэй» (буквально — «почтенные», или ортодоксальные, мусульмане) или просто «хуэйхуэй» (мусульмане). Этот термин «хуэйхуэй» широко бытует в китайской исторической и этнографической литературе. Китайская традиционная этнографическая литература выделяла в населении Китая пять крупных основных групп: «хань», или «чжун» (китайцы), «мэн» (монголы), «мань» (маньчжуры), «цзан» (тибетцы) и «хуэй» (буквально — мусульмане).

Неточность термина «мусульмане» наряду с этническими терминами (китайцы, тибетцы, маньчжуры, монголы) очевидна. Вместо этнического наименования здесь в качестве определителя выступает религиозная принадлежность. В группу «хуэй» заведомо неверно включались различные по языку и культуре народы: тюркоязычные уйгуры, казахи, узбеки, монголоязычные дунсян, близкие к китайцам по языку дунгане и пантай и т. д.

Публикуемая работа китайского историка Линь Ганя ставит своей первой целью показать, что термин «хуэйхуэй», более 12 столетий бытующий в китайской литературе и официальных документах, имеет двойкий смысл: а) мусульмане Китая (в том числе уйгуры, казахи, киргизы, пантай, дунгане, татары, салары и другие, а также китайцы, исповедующие ислам) и б) дунгане — отдельная, самостоятельная исторически сложившаяся этническая группа, по мнению автора, оформившаяся как нация.

Вторая цель автора — рассмотреть и подвергнуть критике имеющее хождение в Китае теории происхождения дунган, противопоставив им свою гипотезу. Эта часть работы представляет значительный интерес для советских этнографов и историков в целом. Точка зрения автора ясна: дунгане — результат сложного и длительного этногенетического процесса. Основу, собственно дунганский пласт составили ираноязычные и арабоязычные переселенцы из Передней Азии, со временем воспринявшие китайский язык, письменность и культуру в целом. Основа хозяйства дунган — земледелие и торговля. Территориально они разобщены, но в каждой общине внутренние связи необычайно крепки. В этой внутренней спаянности, по мнению автора, огромную роль сыграли религиозная нетерпимость (самих дунган, с одной стороны, угнетавших их маньчжурских властей, — с другой) и борьба дунган против национального угнетения. Эта сплоченность и является основным показателем того, что дунгане уже сложились, по мнению автора, в нацию (именно в нацию, а не народность).

В заключение автор призывает дунгановедов высказать свое мнение и по проблеме происхождения дунган, и по поводу его (Линь Ганя) точки зрения. «Я бросил кирпич, — говорит он, — в надежде, что за ним последует яшма». Не претендуя на признание наших замечаний яшмой, выска-

жем их в надежде, что они не будут приняты как «лишний узор к готовому вышиванию».

В русском и советском дунгановедении вопрос о происхождении дунган поднимался неоднократно. Повидимому, впервые общественный интерес был привлечен к нему в период восстания мусульман Северо-Западного Китая в 1861—1878 гг. Еще в докладе «О восстании мусульманского населения или дунгней в Западном Китае», читанном А. К. Гейнсом в заседании Русского географического общества в 1866 г., им приведен один из вариантов легенды о происхождении дунган, бытующей у народов Средней Азии и у самих дунган. Все варианты этой легенды единодушны в утверждении того, что предки дунган — пришельцы, они считают дунган потомками «оставшихся» или «возвратившихся»¹². В варианте, высказанном А. К. Гейнсом, солдаты из войска Тамерлана, двигаясь на восток через горный проход Санташ (дословный перевод «Счет камней»), в целях подсчета своей численности сложили в пирамиды по одному камню каждый. При возвращении войск каждый воин взял с пирамид по одному камню. На месте осталось свыше 3000 камней. Значит, на востоке осталось более 3000 воинов. Они-то и составили первые дунганские гарнизоны в Китае, позже пополненные и принявшими ислам китайцами, и потомством первопоселенцев. Интересно, что почти точно совпадающий по развитию сюжета вариант легенды записан мной от старика-колхозника Юсупова в 1943 г. в поселке колхоза «Родина» (близ Гуйлюка) под Ташкентом. Среди дунган Фрунзенской области Киргизской ССР бытует легенда об арабах, носителях ислама, двинувшихся с Сеид аль-Вахасом на восток и оставивших в Китае 3000 воинов, которые жемелили на китайцах и положили начало роду дунган. Поэтому, мол, дунгане и называют китайцев «чжючжю» (кит. «цзюцзю») — дяди, брат матери. Литературно эта легенда зафиксирована в книге Сулеймана Шарифа «Тарихи тургани» (история дунган), изданной на средства дунган в Ташкенте в 1927 г. Возможно, что это просто перепечатка более раннего издания (или устного его пересказа). В ее варианте, записанном в с. Александровка в 1942 г. проф. Врубелем, арабы прибыли в Китай по вызову танского императора Тай-цзуна (Ле Ши-миня), якобы видевшего сон, в котором зеленый лев (символ воинствующего мусульманства) победил в борьбе белого слона (символ южной ветви буддизма). Тогда запросил Тай-цзун 300 воинов из стран льва (Аравии или Ирана) в обмен на 300 китайских лучников. Последние поселились якобы в Багдаде, где и «по сей час существует» китайско-арабская колония. Арабы же или персы положили начало дунганской народности. В этой легенде имеется, несомненно, зерно истины, так как именно Тай-цзун ввел в китайской армии охранные части из среднеазиатских тюрков, уйгуров и персов (охранные войска из персов в Китае при минской династии отмечены в литературе русским синологом Палладием).

Более или менее полный пересказ вариантов приведенной легенды мы находим у Богоявленского, Кауфмана, Терентьева (хотя основной взгляд последнего сводится к тому, что «дунгане» — тунганьсу, т. е. все из Ганьсу), а позже у ряда советских авторов, случайных в дунгановедении.

В упомянутом докладе А. К. Гейнса приводится и мнение о происхождении дунган от «хуэйгу» — уйгуров, высказанное в литературе впервые Захаровым в специальной «Записке о происхождении дунган», поддержанное затем Рихтгоффеном, Ландзелом и другими и справедливо отвергаемое теперь Линь Ганем.

¹² Так переводятся оба этнонима: 1) «дунгане» = «тургани» считается причастной формой тюркского глагола «турмок» — стоять, ждать, оставаться; 2) «хуэйхуэй» переводится по одному из значений иероглифа «хуэй» — возвратиться.

Весьма интересная гипотеза о происхождении дунган, высказанная упоминавшимся выше русским синологом Палладием (Кафаровым) и поддержанная затем Г. Е. Грум-Гржимайло, представляет дунган потомками «тех уроженцев Ферганы, которые были переселены из Туркестана в Китай» Чингиз-ханом и чингизидами с волной ремесленников (по Грум-Гржимайло, «уроженцев Самарканда, Бухары и других городов турано-иранского запада»). Эта, так сказать, производственная гипотеза привлекала позже внимание многих авторов и официально принята «Ежегодниками мусульманского мира», выводящими предков дунган точно из города Серахса (близ Мерва). Последнее действительно точно, но не по отношению к дунганам. Выходцами из Серахса являются салары, живущие в провинциях Ганьсу и Цинхай в контакте с дунганями.

В советской литературе вопрос о происхождении дунган не получил еще разрешения. Как упоминалось, авторы, случайно писавшие о дунганах, считают их либо китайцами, принявшими ислам, либо тюрками, воспринявшими культуру и язык китайцев, в окружении которых они живут. Теория происхождения дунган от китайцев-колонистов, оседавших в тюркоязычной среде на северо-западной границе Китая уже со II в. до н. э., научно аргументирована впервые советским этнографом и археологом проф. С. П. Толстовым. Примерно тот же взгляд высказал советский антрополог М. Г. Левин, основываясь на антропологических данных. Дунганы, кандидат исторических наук Х. Ю. Юсуров, идя по пути фонетических сопоставлений этнонимов, считает дунган потомками народа тибетской группы тогонов, зафиксированного в Северо-Западном Китае в танское время.

Следует отметить, что попытки разрешения вопроса при помощи подыскания фонетического объяснения или соответствия (в этнонимах других народов) к слову «дунгане» или «хуэйхуэй» делались в русской, а затем в советской литературе неоднократно. Таковы поиски фонетического соответствия наименования дунган этнониму уйгуров (Захаров и др.), попытки считать их «оставшимися» (Гейнс и др.), земледельцами-тюрками (от «ту» + «гань», что Врубелем переводится как «люди земли»), выходцами из Ганьсу или из г. Лунь-Хуан (Терентьев) и т. д. Однако этот метод, взятый как единственный самодовлеющий способ решения вопроса, естественно, ничего не мог дать. В данном же случае гипотеза Юсурова находит частичное подтверждение в антропологических материалах, говорящих о возможном тибетском или монгольском пласте в этногенезе дунган (Чебоксаров). В целом же дунгане антропологически представляют варианты северокитайского типа (Мацевский и Поярков, Чебоксаров, Левин, Дебеч). У илийских дунган возможны напластования уйгурские (Левин).

Пользуясь данными истории Северо-Западного Китая, фонетическими соответствиями этнонимов и историко-культурными сравнительными данными, автор этих строк высказал предположение о происхождении дунган от китаев (киданей), точнее от маньчжурской части населения киданьского государства Ляо и Си-ляо. Эта точка зрения поддержана Н. Н. Чебоксаровым.

Не имея возможности развернуть аргументацию каждого из советских дунгановедов, скажем лишь, что все они (как и Линь Гань) единодушно представляют дунган народом сложного этногенеза, но несомненно автохтонным, сформировавшимся в пределах нынешнего Китая и даже (в основном) в местах их нынешнего обитания. Советские дунгановеды не считают и не могут считать дунган нацией (хотя бы в силу их слабой территориальной консолидированности), что отнюдь не умаляет национального достоинства дунганской народности (как и всякой другой народности мира). Лишь с созданием Народной Республики дунгане Китая получили равные со всеми народами страны права. Известны уже два автономных района дунган в Северо-Западном Китае. Таким

образом, все возможности дальнейшей национальной консолидации перед ними открыты.

К сожалению, автору публикуемой работы не удалось с достаточной четкостью показать, что дунгане и мусульмане Китая не одно и то же. Позволим себе остановиться на этом вопросе еще раз. Ислам проникал в Китай разными путями в разное время. Ислам исповедуют в Китае: дунгане (7—8 млн.), уйгуры (более 3 млн.), пантай (юньнаньские мусульмане — до 500 тыс.), казахи (более 350 тыс.), киргизы (около 150 тыс.), татары, персы, дарды, монголы — «дунсян», «сися», и другие, а также китайцы, принявшие ислам (их число точно не установлено). В западные провинции Китая ислам проникает впервые еще в VII—X вв., в танское время. В X—XII вв. ислам проникает в Китай морским путем (в Кантон и затем в Юньнань). В Северо-Западном Китае распространение ислама связано с именем имама Азама (ходжа Мухаммед Азам, потомок Мухаммеда через имама Ризу), жившего в Бухаре, Самарканде и Кашгаре в конце XV — начале XVI в. и похороненного в Дунбиде (близ Самарканда) в 942 г. хиджры, т. е. в 1563 г. Точнее, ислам в Синцзяне связан с именем внука имама Азама — Аппак-ходжи, захоронение которого (в 6 км от города Кашгара) читается как святыня всего северо-запада Китая. Дунгане, как правило, мусульмане-сунниты примитивного толка (т. е. азамиты), предки их приняли ислам не ранее XVI в. Таким образом, термин «лао хуэйхуэй» правомерно переводится нами не как «старые мусульмане», а как «почтенные», «кортдоказательные» мусульмане.

Терм. «мусульмане Китая» и «дунгане» термины не равнозначные. Дунгане, живущие в Северо-Западном, Северном и Северо-Восточном Китае, это один из «мусульманских» народов, т. е. народов, у которых распространен ислам. Этнически дунгане не родственны мусульманам Юньнани и Кантона. В Дунбэе (Маньчжурии) же расселены действительно главным образом дунгане.

Публикуемая работа Лиш Ганя является прекрасным доказательством расущего интереса дунган к истории своего народа. Автор привлекает солидный исторический материал. Несмотря на отдельные методологические недостатки и некоторую нечеткость постановки вопроса о мусульманстве в Китае, работа эта представляет несомненный научный интерес.

Г. Г. Стратанович

ЛИТЕРАТУРА

- В. Н. Богоявленский, Западный, или Застенный, Китай, СПб., 1906, стр. 49, 50, 52.
 А. К. Гейнс, О восстании мусульманского населения, или дунгений, в Западном Китае, «Изв. Русск. геогр. об-ва», т. II, 1866, стр. 75.
 Г. Е. Грум-Гржимайло, Историческое прошлое Бэй-Шаня в связи с историей Средней Азии, СПб., 1898, стр. 127.
 Палладий (Кафаров), О магометанах в Китае, «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV, 1866, стр. 438—440.
 М. А. Терентьев, История завоевания Средней Азии, СПб., 1906, т. II, стр. 1.
 Г. Г. Стратанович, Дунгане Киргизской ССР, М., 1947, Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. р. д-9, стр. 22—39.
 Х. Ю. Юсупов, Восстание мусульманского населения Северо-Западного Китая в 1862—1877 гг., Архив Ин-та истории АН Казахской ССР.
 Н. Н. Чебоксаров, Дунганская экспедиция, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. III, М., 1947, стр. 25—26.
 Н. Н. Чебоксаров, Северные китайцы и их соседи, М., 1947, Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. р. д-55/3, стр. 769—812.